

Детство, юность пролетели мгновенно, хотя в те времена дни казались длинными и даже ночи бесконечными. И когда мама говорила: «Не торопи свое время, оно пролетит — глазом не успеешь моргнуть, еще жалеть будешь» — я не пожалела о нем ни разу. Но ушедшей навсегда золотой поры жизни, ее неповторимых мгновений, которым я не придавала значения — все ведь казалось данным навеки, — безумно жаль. Они проскочили, как скорый поезд мимо ничтожного полустанка, на котором он по любому сюжету никогда не останавливался, и я почти ничего не разглядела.

Поезда мне нравились. Смотришь в окно, как бесконечное и потрясающее кино, часами одно то же — березка, рябинка, осинка, сосна, елка, покосивший деревянный домик. И ничто не печалит. В молодости вообще мало что печалило, даже то, что действительно должно было приводить в уныние. До какой-то поры — до какой? — печаль не главенствовала, ничто не вставало выше молодости. И что бы там ни случилось, молодость говорила:

«Пустяки, все пройдет!» Все и проходило. Но я столько упустила. Открутить бы назад, да рассмотреть внимательно, что там было? И что было с моим зрением? Вспоминается с подробностями лишь малая часть прожитого, а все остальное будто вырезано и выброшено за ненужностью.

Однажды позвонил кто-то, почти в ночь, и номер незнакомый, обычно я на такие звонки не реагирую. Но тут что-то торкнуло. И торкнуло неспроста, звонил одноклассник, о котором я давным-давно забыла. Мы учились вместе с первого по третий класс. Классная комната в той, первой школе Поселка была одна для всех трех классов. Первоклассники сидели в первом — вдоль печки — ряду парт, второклассники — в среднем ряду, старшеклассники, т.е. третий класс, сидели в третьем ряду, у самых окон, из которых нещадно дуло. А всего нас было... сколько же нас было? Я замучилась загибать пальцы и даже половины этих одноклассников не вспомнила.

Но вчера позвонил Серега и спрашивает — голос у него старый, скрипучий — он спрашивает: «Ты помнишь Нелюшку из нашего класса?» — «Какую Нелюшку, Серега, у нас не было никакой Нелюшки». — «Была, — настаивает Серега, — она еще плохо ходила, у нее ноги были пучком». — «Как это — пучком?» Серега поясняет: «Тогда так называлось, а сейчас ДЦП».

Нелюшка... не помню... А он почему запомнил? Это же тот самый Серега, который не смог выучить самое примитивное букварное стихотворение «скоком-боком, боком-скоком, ходит галка мимо окон». Как такая голова запомнила Нелюшку, а я не помню?!

Серега продолжает: «Ты же сидела сразу за ней на второй парте (*не помню и этого*). Нелюшка — ей было очень трудно поворачиваться, но она поворачивалась и подавала тебе карандаш, перочистку, ручку... У тебя же все валилось!»

И этого не помню. Так что с этой Нелюшкой?

Серегу я не видела с самого третьего класса. Куда он девался из нашей школы, тоже не помню. И вот разыскал меня непонятно зачем и спрашивает о Нелюшке.

«Что с Нелюшкой, Серега?» — «Мне два дня назад приснился сон, что она идет ко мне и ноги у нее не пучком. И она такая красивая. Молодая. А я старый, ты бы видела, какой я старый! А она красивая... Я сейчас в Питере живу, у внуков. Позвонил вчера в Поселок, Генка мне сказал, что и ты здесь. Дал твой телефон. Вот я и звоню...»

Я почти не помню Серегу и боюсь, что он сейчас предложит встретиться где-нибудь у метро, погулять и повспоминать. Так боюсь, что говорю сама: «Может быть, мы увидимся?»

«Нет, — говорит Серега, — я старый и страшный».

Теперь я начинаю вспоминать его. Он был белобрысый, даже ресницы у него были белые, руки в цыпках, голова круглая, глаза... какие у него были глаза? Никакие. Не помню.

Я говорю, что тоже старая.

«Нет, — опять говорит Серега, — ты, наверное, как Нелюшка, молодая и красивая. А вот я теперь без ног, еще хуже, чем Нелюшка... Мне Генка не хотел телефон давать, говорил, она там что-то пишет, она, говорит, занята. Но вот, видишь, я все равно позвонил...»

Начинаю медленно восстанавливать в голове образ Нелюшки. Ну да, маленькая, потому что ноги «ломались» в коленках, хрупкая, улыбчивая. И — да: первой бросалась подать что-то упавшее и поднять кого-то упавшего. Как успевала эта девочка, почти безножка, быть первой там, где требовалась почти незаметная помощь?

Почему Серега вспоминает именно ее? Ведь нас там было даже по скромным подсчетам около тридцати человек?

...«Умерла моя Нелюшка, — говорит Серега. — Давно умерла. Меня из Поселка внуки забрали. Я уже тут десять лет живу. У внучки Юли, она похожа на мою Нелюшку. А вчера она мне приснилась. Никогда не снилась. Внучка сказала, надо в церкви свечку поставить. Но нас этому не учили... Я стал звонить в Поселок, а они все — и Генка, и Люба, и Юрка, ну ты помнишь их — все говорят: «Звони Ольге. Она всех помнит». Вот я и позвонил.

Они мне еще сказали, что ты книгу про нас всех пишешь. Вставь туда мою Нелюшку, очень прошу...»

Со вчерашнего вечера и до сего дня пытаюсь вспомнить что-то еще о Нелюшке. Я ломлюсь в самые дальние уголки памяти, но почти ничего больше не вспоминается. Не позвонил бы Серега, я бы даже имени ее не вспомнила. Хотя в классе Нелюшкой ее никто и не называл...

И что-то во мне болит...